Грамматическая категория определенности и ее формы в диалектах эрзи-мордовского языка

В диалектах, как и в литературном языке, категория определеннее» и неопределенности представляют собой сложную систему параллельно взаимодействующих именных форм, образующих привативные оппозиции (противопоставления). В данной оппозиции один из членов характеризуется наличием, а другой – отсутствием маркированности. Такие отношения связывают, например, мода – модас'. кудо – кудосон'т'. Члены оппозиции модас'. кудосон'т' являются маркированными, они содержат более конкретное и вместе с тем более детализированное значение, чем немаркированные члены мода «земля», кудосо «в доме». При помощи различных грамматических средств, используемых категорией определенности, осуществляется указание на определенный предмет или явление с целью выделения его из массы ему подобных. Любое существительное с точки зрения грамматической определенности-неопределенности имеет два состояния: неопределенное и определенное.

Дифференцирующим признаком выделения неопределенности (неопределенной единичности) являются: 1) возможность выбора предмета из какого-либо целого класса предметов и 2) неосведомленность о предмете говорящего и слушающего, или только говорящего, например: кудос совас' ц'ора «в дом вошел мужчина» (т.е. любой из мужчин). Дифференцирующим признаком выделения определенности (определенного состояния) являются: 1) невозможность выбора. 2) осведомленность о предмете говорящего и слушающего, или только говорящего, например: ц'орас' совас' кудос «мужчина (только этот) вошёл в дом».

Значение неопределенной единичности передаётся: 1) с помощью препозитивного числительного «один», выступающего о ослабленным лексическим значением и приближающегося к неопределенному артиклю «какой-то, некий, некто». Числительное «сдан» в роли артикля имеет

варианта: полный вариант к исторически трансформированный **ве**: мол'с'сов ошов / мус' тосто ве ломан' и оргоц' мартонзо (низ.) «приехал он в город, нашел там какого-то человека и удрал он с ним»; ан'ц' ,чокш'ес сын' пачкоц'т' эр'з'ан' ве вел'ес (жлн.) «только к вечеру они доехали до какого-то эрзянского села»; 2) с нулевой формой имени (т.е. с существительным в основном склонении). Нулевая форма обозначает предмет вообще, безотносительно к его индивидуальным характерным или конкретным свойствам, или признакам. Нулевая форма – форма классификационная. В диалектах нулевая форма имени, являясь первым членом в бинарном противопоставлении определенности-неопределенности, находит широкое употребление. В отдельных говорах обнаруживаются случаи замены указательных (определенных) форм нулевой формой (формами основного склонения). Например об известном говорят: ломан' сас' васолдо (н.твл.) вм. ломан'ес' сас' васолдо. «человек пришел издалека»; н'ей вана урожай бер'ан' / кот' вас'и скот'инан' печник / т'икше кос'кс' (шлн.) «теперь вот урожай плохой (хоть всю скотину уничтожь), трава высохла». Категория неопределенности, содержание которой в основном раскрывается нулевой формой, имеет много точек соприкосновения с аналогичным явлением в других языках, обладающих развитой категорией артикля, например, в балкано-романских[1].

Определенность (определенное состояние) имени существительного обозначается с помощью; 1) морфем, выражающих категорию определенности: -с' (-з', -й), -с'т'. -в'т'. -н'е, -не; 2) аффиксов, выражавших категорию принадлежности (особенно в случаях деривационной функции посессивного аффикса 3 л. ед. ч.): чизэ валкс' «солнце (букв, солнце-его) опустилось»; шказо ул'-н'ес' чокшн'е «время (букв, время-его) было вечер». Посессивный аффикс 3 л. ед. ч. употребляется в дейктическом значении лишь с теми существительными, которые обозначают нечто единственное в своём роде, главным образом со словами, служащими названиями различных явлений природы: чи «солнце», ков «луна», шка «время».

---

[1] **Десницкая А.В.** Албанский язык и его диалекты. – Ленинград, 1968. – С. 25–26.

Д.В. Бубрих посессивные аффиксы с непринадлежностным значением назвал указательными[1]. Употребление поссесжвного аффикса 3 л. в непритяжательном значении (дейктическом) – явление не только мордовское. Оно известно, кроме «орловских языков, в марийском[2], пермских[3],обско-угорских[4] языках[5].

В пермских языках, например суффиксы 3 л, - удм. -зэ, коми –ыс, -ис являются показателями определенно-указательной категории, посредством которой особо выделяются, конкретизируются в данной цепи мысли какие-нибудь известные для собеседника предметы (или один предмет) из числа других, им близких или однотипных: выл «новый» – вылез «тот (из них), который новый»[6] Корни подобного употребления 3 л. уходят в финно-угорскую эпоху, возможно, даже в прауральскую. Возникновение этого явления учеными объясняется прежней материальной общностью личных и указательных местоимений, а последние, как известно, часто превращаются в артикли[7]; 3) указательных местоимений, обладающих особенностью в достаточной степени чётко отграничить данный предмет от других предметов того же класса, помогающих осознать его как единственно возможный в соответствующей ситуации: т'е кудын'т' эйста кийак эз' л'ис'т' (шуг.) «из этого дома (того) никто не вышел»; н'ет' валтнэ ц'оратн'ин'ин' мар'авс'т' покордамыкс (сб.к,) «этж слова (те) мужчинам (тем) показались оскорбительными». В таких случаях морфема определенности (далее МО), сопровождающая существительное, в плане содержания в какой-то степени нейтрализуется и функции её берет на себя указательное местоимение; 4)

---

[1] **Бубрих Д.В.** Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск, 1953. – С. 80.
[2] Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола, 1961. – С. 52.
[3] Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. – Сыктывкар, 1955. – С.149, 151.
[4] Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – Москва, 1974. – С. 130, 270.
[5] **Кокла П.** Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореферат кандидатской диссертации. – Таллин, 1963. – С. 35.
[6] **Алатырев В.И.** Выразительно-указательная категория в удмуртском языке. – Ижевск, 1971. – I.
[7] **Майтинская К.Е.** Местоимения в языках систем. – Москва, 1959. – С.126-140.

лексического значения слова. К числу слов, грамматическая определенность которых обнаруживается через их лексическое значение и связанное с ним грамматическое оформление, относятся имена собственные.

Имя существительное с МО – имя индивидуализирующее. Любое существительное будет выступать с МО, если им названный предмет окажется в условиях единственности, известности, исключительности, когда по отношению к нему исключается всякий выбор. Употребление имени с МО зависит от ряда факторов ситуационного и синтаксического порядка. По мнению Д.В. Бубриха, указательные формы сложились в тот период истории мордовских языков, когда еще не было падежных форм. Своё предположение он аргументирует тем, что указательные местоимения, явившиеся основой образования МО, будучи определениями, строго предшествовали определяемому слову. «Ожидалось бы как будто,– замечает Д.В. Бубрих, – что указательные местоимения, превращаясь из отдельных слов в служебные морфемы, должны были стать префиксами. Но нет: они стали суффиксами. Они стали суффиксами вопреки уже давно господствующему порядку слов. Вполне ясно, что указательные формы сложились еще тогда, когда этого порядка слов не было, когда не было и тех отношений подчинения одних слов другим, которые определялись вместе с тем порядком слов, когда господствовало еще архаическое соположение слов[1]. Б.А. Серебренников, однако, считает, что при выяснении истории возникновения МО не обязательно прибегать к теории архаичного порядка слов. Им выдвинуто предположение, что первоначально указательное местоимение выполняло роль эмфатической частицы -то, типичный для северных русских говоров. Позднее употребление этой частицы стало более регулярным, и она превратилась в МО[2].

Нам представляется, что возникновение указательных форм происходило в период становления системы падежей основного склонения.

---

[1] **Бубрих Д.В.** Историческая грамматика эрзянского языка. – Саранск, 1953. – С. 80–81.

[2] **Серебренников Б.А.** Историческая морфология мордовских языков. – Москва, 1967. – С. 45.

Отсутствие косвенно-падежных форм мн. числа основного склонения было обусловлено именно тем, что обозначение идеи множественности находило материализацию во вновь возникающих косвенно-указательных формах мн. числа. Если допустить, что указательные формы возникли значительно позднее, чем падежи основного склонения, то по всей вероятности диалектами были бы выработаны в названном склонении формы падежей с суффиксом мн. числа. Эти формы, между тем, не появились. Они стали принадлежностью указательного склонения, и их история теснейший образом связана с прамордовским периодом, когда определялись формы падежей ед. числа основного склонения. В этот период стало намечаться противопоставление имен по признаку определенности и неопределенности. Данное противопоставление возникло на основе двух грамматических значений, в которых могло выступать имя существительное: 1) обозначение предмета, соотнесенного с соответствующим речевым моментом, и поэтому известного не только говорящему, но и собеседнику; 2) обозначение предмета, не соотнесенного с моментом предшествующей ситуации. В значении (1) имя существительное употреблялось при его повторном упоминании, и этим оно противопоставлялось первому упоминанию того же имени. В обоих случаях имена формально не были разграничены.Речевые ситуации создавались без каких-либо средств разграничения указанных выше значений. Нечто подобное обнаруживается в диалектных текстах в виде сохранившегося синтаксического архаизма. Например: эр'ас'т' /ашт'ес'т' ат'ат/ бабат /сынцт ул'н'ес' вейке т'ейт'ер' ды вейке ц'ора/ /ат'а (вм. ат'ас') ул'н'ес' сыр'е /бабайак (вм. бабас'как) сыр'е/ /ц'ора (вм. ц'орас') ар'мийав туйема шкасо/ т'ейт'ер' (вм. т'ейт'ер'ес') мир'д'е максумашкал' (крж.) «Жили-были старик со старухой. Были у них дочь и сын. Старик был стар, стара была и старуха. Сыну время идти в армию, дочь на выданъи была». Несомненно, что слова ат'а. баба, ц'ора. т'ейт'ер' при повторном упоминании отличаются от соответствующих слов, встречающихся в начале текста, своей конкретностью, обусловленной наличием момента известности,

соотнесенности, хотя средствами языка это никак не выражено.

С развитием языка, с потребностью в дифференциации этих значений встала необходимость найти средства их разграничения. Таковыми стали указательные местоимения, которые могли употребляться в двух функциях: 1) в собственно указательной и 2) в функции релятивной. В релятивной функции указательные местоимения не столько указывают, сколько относят говорящего или слушающего к уже упомянутому и поэтому известному. В силу каких-то внутренних языковых импульсов указательные местоимения, имеющие функцию соотнесенности, занимали положение после имени существительного, а в собственно-указательной функции они стали употребляться в препозиции. Постпозитивное употребление указательных местоимений, по-видимому, было связано с эмфатическим подчеркиванием выделенного, подобно русской диалектной эмфатической частице -то.

Постпозиция приводила к значительному усилению грамматического характера местоимения и вследствие этого создалась возможность развития из него МО. Эволюция языка привела к осуществлению этой возможности. Происходит грамматикализация свободного грамматического словосочетания и превращение его в словоформу с обобщенной МО. Обозначение определенности предмета вырастает, таким образом, на базе употребления существительного с постпозитивными местоимениями: с'е (в номинативе ед. числа, в отдельных говорах – в номинативе в косвенных падежах), т'е (в косвенных падежах ед. числа), н'е (в номинативе и косвенных падежах мн. числа).

Выбор именно этих местоимений обуславливается, по-видимому, их этимологической простотой, большой обобщенностью их значения частотой употребления, максимальной сочетаемостью с именем, способностью анафорически указывать на предмет, упоминавшийся в речи ранее[1]. Переход указательных местоимений в показатели грамматической формы – МО известен отдельным финно-угорским языкам. Примечательным в этом

[1] **Пиотровский Р.Г.** Формирование артикля в романских языках. – Москва-Ленинград, 1960. – С. 5.

отношении является вепский язык. Обращает на себя внимание тот факт, что значения, свойственные определенному артиклю, в вепсском языке как и в мордовских языках, могут выражаться постпозитивными (аффиксальными) артиклями -se (ед. число), - ne (мн. число)[1]: lad'i jom se laita juoma «приготовь напиток-этот»; olut se join «пиво –это пил»; lapsed ne männet školna? «пойдут ли ребята – эти в школу?»; kalan se teged käźine tartub ńaug «рыбу – эту чистил, на руках остается слизь». Подобное сходство позволяет говорить об общей для мордовских и вепского языков морфологической модели построения форм категории определенности.

Основные процессы образования субъективно-объектных падежей указательного склонения происходили на ранней ступени прамордовского языка. Еще раньше оформилась парадигма форм мн. числа. Отсутствие последовательности в образовании местных падежей свидетельствует об их более позднем происхождении. Морфема определенности, присоединяясь к падежным суффиксам основного склонения, образует парадигму указательного склонения.

Эрзянский диалектный ареал не имеет всеобъемляющей падежной схемы указательного склонения. В ряде говоров и диалектов, в том числе и в говорах, легших в основу эрзянского литературного языка, это склонение различает 9 падежных форм. Девятипадежную систему имеют также эрзянские говоры на территории Татарской АССР и Пензенской области (дубровские говоры и говоры наскафтымской морцвы). Говори юго-восточного диалекта различают 6 падежных форм: номинатив, генитив, датив, пролатив, компаратив, абессив. Остальным падежам, т.е. аблативу, инессиву, элативу, лативу и транслативу соответствуют послеложные конструкции, состоящие из генитива и соответствующего послелога. Северо-западные говоры[2] (Горьковская обл.) парадигму указательного склонения

---

[1] **Kettunen L. K.** Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. – Helsinki, 1943 (MSFOu LXXXVI), 242–400.

[2] **Ермушкин Г.И.** Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка // Вопросы мордовского языкознания. Труды Морд. НИИ XXXII. – Саранск, 1967. – С. 113–114.

образуют из 5 падежей – номинатива, генитива, датива, пролатива, абессива. Значения остальных падежей, как и в шугуровском диалекте, выражены послеложными конструкциями. Ряд говоров нижнепьянского диалекта[1] в указательном склонении различает 9 падежей, в качестве самостоятельного падежа выступает комитатив; тренслатив и компаратив в этих говорах выражаются аналитически. В отдельных говорах этого же диалекта данное склонение представлено 7 падежами: номинативом, генитивом, дативом, аблативом, инессивом, пролативом, абессивом. Йллатив, как и во многих других говорах, совпадает по форме с дативом. Значение элатива здесь выражается с помощью аналитической конструкции – усеченная форма генитива + послелог эстэ (кид'евез' эсте<кил'ен^{г}ез'ин' эстэ). Значения транслатива и компаратива передаются послеложными конструкциями. Комитатив в этих говорах не выступает в качестве падежа. В эрзянских говорах Куйбышевской обл. парадигма указательного склонения представлена в основном 6 падежами – номинативом, генитивом, дативом, инессивом, иллативом, абессивом. Другие падежи заменены аналитическими конструкциями. Отдельные говоры типа мордовско-давыдовского (Мордовская АССР), сохранившие черты мокшанского языка, в рассматриваемом склонении имеет 4 падежа – номинатив, генитив, датив, компаратив. В ряде говоров одно и то же падежное значение может быть передано синтетически и аналитически, например; кудос'т' эзга и кудовас'т' (с. зал.) «по дому-тому», модас'т' ээга и модават' (щуг.) «по земле». В отдельных говорах, имеющих в основном трехпадежную систему, наблюдается увеличение состава падежей за счет падежных форм, функционирующих в других эрзянских диалектах. Так, например, в говоре с. Мордовское Давыдове (Мордовская АССР), как и в мокшанском языке, в указательном склонении различались 3 падежа. В настоящее время, однако, этот говор выработал форму компаратива в ед. и во мн. числе типа скалчкат' (скалчкан'т') «с корову – ту», скалтнэшка «с коров – тех», очевидно, не без

[1] **Надькин Т.** Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка // Очерки Мордовских диалектов V, Саранск, 1968. – С. 53–54.

влияния соседствующих с ним эрзянских говоров, имеющих эту падежную форму.

В некоторых северо-западных говорах[1] встречаются формы существительных, сходные с формами аблатива, инессива, элатива, иллатива указательного склонения, но отличающихся от них по значению. Например: инесс, кудосон'т' (мл.) «в доме – том» – кудосон'т' (с.зап.) «того, который находится дома'; кудостон'т» (коз.) 'из дома-того' - кудостон'т' (с.зал) 'того, который из дома»; ном. кудостос' «тот, который из дома»; комп. кудошкан'т' (б. мр.) «с дом-тот» – кудошкан'т' (с.зап,) «того, который с дом величиной»; ном. кудошкас' «тот, который с дом величиной» и др. В первичных же формах в этих же говорах значения аблатива, инессива, элатива и иллатива передаются преимущественно аналитически – послеложными конструкциями. Ср.: инесс. кудон'т' эснэ «в доме – том» – кудосон'т' (как разновидность указ. скл.) «того, который находится дома».

Формы частной разновидности указательного склонения во многих говорах, в том числе и в тех, которые стали основой литературного эрзя языка, образуют парадигму, в которой «агрессия» со стороны форм определенности обнаруживается во всех косвенных падежах единственного и множественного числа. Основой данной парадигмы служит форма косвенных падежей основного склонения, к которой присоединяется МО. Падежная форма основного склонения при этом в известной мере теряет свое грамматическое значение и приобретает значение, близкое к словообразовательному. Ср.: кудосо «в доме», – кудосо-с' (б.мр.) «тот, который в доме», кудовтомо «без дома» – кудовтомо-с' (м.рмз.) «тот, кто без дома». Из всех падежей основного склонения при образовании таких форы предпочтение отдается инессиву, компаративу и абессиву. Присоединяясь к суффиксам этих падежей, МО -с' (ед. число), -н'е (мн. число) образуют морфологические единицы, сходные с номинат. указательного склонения и

[1] **Ермушкин Г.И.** Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка // Вопросы мордовского языкознания. Труды Морд. НИИ XXXII. – Саранск, 1967. – С. 113–114.

изменяющиеся по падежам данного склонения. Возникает новая парадигма с присущим ей значением, например: абесс. осн. скл. моровтомо «без песни» –

Ед.число

Ном.	моровтомо-с	«тот, кто без песни / песен»
Ген.	моровтомо-н'т'	«того, кто без песни / песен»
Дат.	моровтомо-н'т'-ен'	«тому, кто без песни / песен»
Абл.	моровтомо-до-н'т'	«о том, кто без песни / песен»
Инесс.	моровтомо-со-н'т'	«в том, кто без песни / песен»

и т.д.

Мн. число

Ком.	моровтомо-т'н'е	«те, кто без песни / песен»
Ген.	моровтоыо-т'н'е-н'	«тех, кто без песни / песен»
Дат.	моровтомо-т'н'е-н'ен'»	«тем, кто без песни / песен»
Абл.	моровтомо-т'н'е-д'е	«о тех, кто без песни / песен»
Инесс.	моровтомо-т'н'е-сэ	«в тех, кто без песни / песен»

и т.д.

В отдельных говорах процесс образования таких уникальных форм весьма продуктивен, носителями говоров они воспринимаются как обычные (первичные) формы указательного склонения. Очевидно, этим объясняется причина появления послеложных конструкций, с помощью которых выражается значение соответствующих (первичных) падежных форм. Ср., например: кудосон'т' ил'ак токше (мл.) «того, кто (что) в доме, не трогай», но ку-дон'т' эйсе (вм. кудосон'т') кийак эз' эр'а «в доме-том никто не жил»; кудошкан'т' (с.зап) «того, который с дом величиной», но кудон'т' эйшка «с дом-тот» и т.д.

В номинативе форма ед. ч. указательного склонения отличается от формы косвенных падежей удивительным единообразием по морфемному

составу. В построении фермы номинатива во воем диалектном ареале эрзянского языка принимает участие одна и та же МО -с' с ее алломорфой –ц', слившаяся с основой слова в единое целое и превратившаяся, таким образом, из некогда самостоятельного слова в формальный элемент. Аналогичное построение номинатива ед. ч. имеют все диалекты мокшанского языка: сурс' (с.тд.), м, сурьс' «просо-то». Этот факт говорит об общемордовском характере образования номинатива указательного склонения. Исторически номинатив ед. числа легко объясним: д.м. сγ коŋъ = коŋъ с'γ > о.м. коŋъс' > э. ковос'. э.д. ковс' / коŋс'. м. ковъс' «луна (эта)». В отдельных говорах МО -с' / -з' является показателем определенности предмета и в косвенных падежах: нон. мода-с' «земля (определенная)», ген. мода-з'-и-н'. дат. мода-з'-и-н'ин'. абл, мода-з'-д'е и т.д.

Что касается косвенных падежей ед. числа, то здесь заметно отсутствие достаточной последовательности в образовании их форм. Во-первых, в пределах распространения эрзянского языка отсутствует единая МО, во-вторых, нет общей модели построения косвенно-указательных форм. Основой образования косвенно-указательных форм для преобладающего большинства диалектов являются формы ед. числа основного склонения, к которым присоединяется МО: эл. кудо-сто-н' т'/куду-сту-н'т' (I и II типы) «из дома-этого», кудо-сто-с'т' (III тип), куды-сты-т(-н'т') (IV тип). В эрзянском диалектном ареале косвенно-указательные падежи имеют несколько синонимичных (структурных) разновидностей, в каждой из которых выступает только ей присущая МО:

1) косвенно-указательные формы с морфемой определенности -н'т': в номинативе -с', генитиве -т', в других косвенных падежах -н'т';

2) косвенно-указательные формы с морфемой определенности -с'т': в номинативе -с', генитиве -т', в других косвенных падежах -с'т';

3) косвенно-указательные формы с морфемой определенности -с' / -з': в номинативе -с', генитиве -с' (-с'т') и во всех остальных падежах -с' (-з');

4) косвенно-указательные формы с морфемой определенности, -т' / н'т': в номинативе -с', генитиве -т', в других косвенных падежах -т', редко -н'т'.

Эти разновидности весьма своеобразно отражают внутреннее устройство диалектных парадигм, характеризуя их как совокупность грамматических форм, противопоставленных в пределах каждой парадигмы по наличию МО. Диалектные соответствия в парадигмах форм косвенно-указательных падежей являются регулярными: если в одной из диалектных систем функционирует форва типа кудо-до-н'т' «о доме (определенном)», в другой -кудо-до-с'т', в третьей - кудо-з-д'е. в четвертой - куды-ды-т', то соответствие и противопоставление их форы с МО будут постоянными и регулярными для любого существительного. Исключением являются некоторые говоры нижнепьянского диалекта и отдельные говоры на территории Куйбышевской области, в которых в одной и той же форме возможно употребление разных МО. Так, например, в говорах нижнепьянского куста, кроме формы генитива на -з'ин' (кил'ен^{г}е-з'ин' «березы-той»), повсеместно распространена форма генитива с МО -с'т' (кил'ен^{г}-е-с'т'). В отдельных говорах Куйбышевской области, Татарской АССР (говоры типа с. М. Афонькино) построение парадигмы возможно с помощью МО -н'т' или -с'т'. Здесь обычными являются формы типа кудо-н'т' или кудо-с'т' «дома-определенного» , кудо-н'-т'ен' или кудо-с'-т'ен' «дому-определенному». В территориальном отношении распространенность той или иной разновидности не одинакова. Наиболее распространена первая разновидность - МО -н'т'. Ею объединяются многочисленные говоры центрального диалекта и говоры, тяготеющие к этому типу. Кроме того, она является принадлежностью парадигмы указательного склонения в говорах западного диалекта. Заметное место данная разновидность занимает в косвенно-указательных формах в говорах юго-восточного диалекта.

Формы косвенно-указательных падежей с МО -н'т' состоят из склоняемой основы имени (далее СОИ) + суффикса падежа основного склонения + МО. Такую структуру имеют генитив, аблатив, инессив, элатив,

пролатив, компаратив, абессив. Датив имеет иную структуру: СОИ + МО + суффикс основного склонения - кудс-н'т'-ен' < *кудо+н'т'-н'ен'.

Парадигма I

Форм указательного склонения с МО -н'т' (скал «корова»)

Падежи	I тип	П тип	Отд. говоры IV диалектного типа	Дубровские говоры (Пенз. обл.;
I	2	3	4	5
Нон.	скал-о-с '	скал-у-с '	скал-ы-с'	скал-о-с '
Ген.	скал-о-н'т»	скал-у-н' т'	скал-ы-н'т'	скал-о-н'т'
Дат.	скал-о-н'т'--е-н'	скал-у-н' т '--и-н'	скал-ы-н' т' --и-н'	скал-о-н'т '--е-н'
Абл.	скал-до--н'т'	скад-ду--н'т'	скал-ы--н'н' эйстэ	скал-до--н'т'
Инесс.	скал-со--н'т'	скал-у--н'т' эйсы	скал-ы--н'т' эйсэ	скал-о--н'т' эйсо
Эл.	скал-сто--н'т'	скал-у--н'т' эйсты	скал-ы--н'т' эйстэ	скал-о--н'т' эйсто
Илл.	скал-о--н'т'-е-н'	скал-у--н'т' эйс	скал-ы--н'т' эйс	скал-о--н'т' эйс
Лат.	Ø	Ø	Ø	Ø
Прол.	скал-га-н'т'	скал-у-н' т' эзга	скал-га-н'т'	скал-га-н'т'
Транс	Ø	Ø	Ø	Ø
Комп.	скал-шка-	скал-у-н' т • эйшка	скал-шка-	скал-о-н'т' эйшка
Абл.	скал-то-мо--н'т'	скал-ту-му--н'т'	скал-тымы--н'т'	скал-цто-мо--н'т'
Ком.	Ø	Ø	Ø	Ø

В приведенных парадигмах МО -н'т'. возникшая из -н' (< ген. -н') и -т' (<ген. - н') и -т' (<*т-овое указательное местоимение) и утвердившаяся в генитиве, была перенесена в качестве МО в состав других форм падежей. Таким образом, источником МО -н'т' явилась форма генитива, в которой произошло переразложение основ и суффикс генитива -н' отошел к форманту

-т, составив вместе с ней новую МО -н'т'. По предположению Т.М. Тихоновой[1], возникновение МО -н'т' нужно связывать с падежом прямого объекта – аккузативом. Некогда имя существительное с МО -с' употреблялось для выражения определенного прямого дополнения. С течением времени, чтобы избежать смешения аккузатива с номинативом, оформленных этой же морфемой, потребовался свой падеж для объекта. Им стал аккузатив, по форме совпадающий с генитивом. Некоторое время могли быть две форды определенного объекта: кудос' и кудон'с'. Первая форма закрепилась за номинативом (определенным подлежащим), вторая – за аккузативом (прямым объектом). Формант -н' в словоформе кудон'с' мог выпасть, что повлекло за собой появление омонимичной форды. В этих случаях необходимо было иметь другой формант определенности объекта, который даже при случае выпадения -н' способен был бы различить формы подлежащего и прямого объекта. Для этой цели было использовано местоимение

Парадигма II

Форм указательного склонения с МО -с'т' (скал «корова»)

[1] **Тихонова Т.М.** Особенности указательного склонения в эрзянских диалектах // Сборник научных статей МГУ им. Н.П. Огарева. Вопросы языкознания II I. – Саранск, 1975. – С. 60–61.

Падежи	Северо-западнний диалект и говоры, этому диалекту тяготевшие к этому диалекту		
	Б.игн., приал. гов.	С. зап. гов. П	Отд.э. гов.
I	2	3	4
Ном. Ген.	скад-о-с' скал-о-с'т'	скал-о-с' скал-о-с'т'	скал-ц' скал-ц'т'
Дат.	скал-о-с 'т 'е(н')	скал-о-с 'т 'е скал-оз'д'е	скал-ц'т'е(н')
Абл.	скал-до-с'т'	скал-о-з'д'е	скал-до-с'т'
Инесс.	скал-со-с 'т'	скал-о-с'т' эснэ	скал-со-с 'т'
Эл.	скал-сто- с'т'	скал-о-с 'т' эстэ	скад-сто-с'т'
Илл.	скал-о-с 'т'е(н')	скал-о-с' т» эйс	скал-о-с'т'е(н')
Лат.	Ø	Ø	Ø
Прол.	скал-га-с'т'	скал-о-с'т'эзга	скал-га-с'т'
Транс.	Ø	Ø	Ø
Комп.	скал-шка-с'т'	скал-о-с' т'	скад-шка-с'т'
Абесс.	скал-томо-с'т'	скал-тома -с'т'	скал-томо-с'т'
Ком.	Ø	Ø	Ø

В данных парадигмах МО -с', утвердившаяся в сфере номинатива, отмечается в формах косвенных падежей. Вместе с формантом -т она образует МО -с'т'. Особенностью данной МО является то, что в генитиве она флектична: выполняет функцию определенного артикля и одновременно является показателем генитива, в остальных падежах – только функцию артикля. Возникнув в генитиве, МО -с'т'. однако, не сохранила генитивного показателя -н'. Его функцию стала выполнять морфема -с', но только после того, когда наряду с формами генитива типа кудо-з'-ин' «дома-определенного» в говорах стали функционировать усеченные формы генитива типа кудо-з' (кудо-с'); ку-до-з'и-н' ваксо и кудоз' ваксо «около дома-того». Впервые на усеченные з'-овые формы генитива обратил внимание Д.Т. Надькин[1]. Им же научно обоснована возможность происхождения

[1] **Надькин Д.Т.** Морфология нижнепьянского диалекта эрэя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов V. – Саранск, 1968. – С. 55–56.

морфемы определенности -с'т' от показателя -с' (усеченная форма генитива и т-ового местоимения). Усеченные формы генитива на -з' сохранились до сих пор в некоторых эрзянских говорах. Они обнадеживаются также в формах датива указательного склонения типа кудос'т'е / кудоз'д'е. которые образовались, как известно, на основе генитива с участием послелога *т'ен^{г} с направительным значением. Генитивной основой в данных формах следует признать кудос' или кудоз', к которой примыкает послелог: *кудос*+т'ен^{г} > кудос'т'е или кудоз'+ т'ен^{г} > кудоз'д'е.

Рефлексы усеченной формы генитива отмечены в некоторых северо-западных говорах (Горьковская область) в функции прямого дополнения в выражениях типа с'олгик кен'кшес' (вм. кен'кшез'ин') «закрой дверь-ту», йовтык бобас'кас' (вм. бобас'каз'ин'; «расскажи сказку»[1]. Известно, что во многих других говорах и в литературном языке в этих случаях, как правило, употребляется форма генитива с МО -н'т' или -с'т': с'олгик кен'кшен'т' / с'олгик кен'кшес'т'. Усеченные, формы генитива в силу несложности своей морфологической структуры получают довольно широкое распространение. Возможно, что в какой-то период развития диалектов морфема -с' (-з_'), образовавшая эти формы, совмещала в себе функции артикля и падежа. Впоследствии функция артикля в них была нейтрализована, и в этих условиях они осмысливались как форма генитива указательного склонения. В нейтрализации артиклевой функции в формах типа кудоз' < *кудо-з'-и-н' значительную роль, по-видимому, сыграла форма номинатива, которая, обладая также морфемой -с', противопоставлялась усеченной форме генитива, поэтому появилась возможность разграничения в ней средствами языка значений падежа и определенности. За усеченной формой закрепляется статус генитива, в силу этого с-овая морфема, являющаяся принадлежностью усеченной формы, не могла стать МО в косвенных падежах. Естественно, для выражения значения определенности потребовалось новое грамматическое средство. Таким средством явилось указательное местоимение т'е «этот»,

[1] **Надькин Д.Т.** Общемордовское указательное склонение // CTIFU I, Ta11inn, 1975. – С. 510–512.

консонантный элемент которого примкнул к с-овой усеченной форме, образовав таким образом новую форму генитива с МО -с'т'. Возникновение форты типа кудос'т' можно представить себе следующим образом: ген. *кудо-з'-и-н' «дома-того» ген. усеч. *кудоз' «дома-того» > ген., ном. кудоз' / кудос' «дома-того» / «дом-тот» = кудоз' + т'е «тот» > *кудоз'т'е > кудос'т» ' «дома-того». Вновь возникшая морфема -с'т', закрепив свои позиции в сфере генитива, постепенно расширяла сферу своего влияния на другие падежи, в результате чего она стала МО во всех косвенных падежах, функционирующих в данных диалектных системах. Образовался особый тип косвенно-указательных форм, отличный от тех диалектов (говоров), где в соответсвующих фордах МО выступает -н'т'.

Выше было отмечено, что источником н-ового элемента, являющегося одним из компонентов МО -н'т', служит собственно генитивный суффикс, к которому должна была бы присоединиться -с'. Проникновение МО -с', утвердившейся в номинативе, в сферу генитива было весьма вероятным. Этому процессу ничто не мешало. Действительно, в эрзянском диалектном ареале обнаруживаются отдельные говоры, в которых по всей парадигме указательного склонения в качестве МО различается -с' / -з'. В говорах же I и II диалектных типов морфема -с' закрепилась лишь в номинативе. В косвенных падежах вместо нее утвердилась т-овая МО, причем это утверждение как показателя грамматической формы для всех падежей произошло в генитиве. Причиной привязки т-ового форманта к генитивному суффиксу является, вероятно, следующее обстоятельство. В тот период, когда происходило возникновение форм типа кудон'т', в ряде диалектов прамордовского языка, по-видимому, уже широко использовались косвенно-указательные формы типа кудос' т'. По аналогии с этими формами возникают новые формы с МО -н'т'. Основой их образования явилась уже не усеченная форма генитива на -с' (-з'), а собственно генитивная форма на -н'. Возникновение новой формы генитива типа кудон'т' можно представить себе

так: *кудоз'ин' > кудоз' = кудон', откуда в одних диалектных системах - кудос'т', в других - кудон'т' / кудыт' (<*кудын'т').

Генитивные с-овые (з-овые) форты типа кудоз'ин / кудоз' имели место в прошлом, вероятно, и в тех говорах, где сейчас функционирует МО -н'т'. Однако она была ими отвергнута, возможно, из-за сложности самой словоформы; не получили широкого распространения также словоформы типа кудос'т', возникшие на основе усеченной генитивной формы на -с' (-з'),видимо, из-за грамматической непрозрачности самой основы. Впоследствии в значительной части эрзянского диалектного ареала произошла замена форм типа кудос'т' на формы типа кудон'т'. Некоторые говоры с типом косвенно-указательных форм с МО -н'т' по настоящее время сохранили генитив на -с'т'. Например, в говоре с Иванцева Лукояновского р-на (Горьковская обл.) наряду с формами типа ломан'ин'т' «человека-того» параллельно бытуют формы ломан'с'т'.

Как известно из сказанного раньше, в формах косвенных падежей, начиная с аблатива, за СОИ следует суффикс падежа, к которому присоединяется МО – в одних говорах -н'т', в других -с'т'. в третьих -т' / -н'т'. Ср. вел'е «село»(СП = суффикс падежа):

Падежи	СОИ + МО + СП	СОИ + СП + МО
Ном.		вел' е-с '
Ген.	вел'е-н'-т»	Ø
	вел'е-с'-т'	
Лат.	вел'е-н'т'-е-н'	Ø
Абл.	Ø	вел'е-д'е-н'т'
		вел'е-д'е-с'т'
Инесс.	Ø	вел'е-сэ-н'т'
		вел'е-стэ-с'т*
		вел'е-сэ-с'т'
Эл.	вел*е-н'т'-ен'	Ø
	вел'е-ст'-е	
Прол.	Ø	вел'е-ва-н'т' вел'е-ва-с'т' и т.д.

Причину этого явления объяснить довольно трудно. Б.А.Серебренников предполагает, что такой необычный порядок расположения составных частей

указательных словоформ установился по образцу косвенных падежей притяжательного склонения, ср.: кудо-до-м «от дома-моего», кудо-до-н «от доков-моих», кудо-до-т «от дома-твоего» и т.д.[1] Эта догадка очень близка к истине .

Парадигма III

фора указательного склонения с МО -с' (.-з') (вед'е «село»)

Падежи	Гов. н. пьян. диалекта (Горьк. обл.)	Отд. гов. Черемшанского куста (Тат. АССР)	Отд. гов. еремкино-матюшинского куста (Куйб. обл.)
	А	Б	В
Ном.	вел'е-с'	вел' е-с '	вел 'е-с'
Ген.	вел'е-з'-и-н'	вел ' е-с' т'	вел'е-с'т'
Дат.	вел'е-з'-н'е	вел'е-з'-н'е	вел'е-з'-н'е
Абл.	вел'е-з'-д'е	вел'е-з'-д'е	вел'е-з'д'е
Инесс.	вел'е-с'-н'е (*-вел'е-с'е-сне)	вел'е-с'-н'е (*вел'е-'е-сне)	вел'е-з'-с' н'е вел'е-с'т'эсне
Эл.	вел'е-с'т'е (-йс'т'е) (*вел'е-с'е-сте)	вел'е-й-с'-т'е (*вел'е-с'е-сте)	Ø
Ил.	вел'е-з'-н'е	вел'е-з'-н'е	Ø
Лат.	Ø	Ø	Ø
Прол	вел'е-з'-га	вел'е-з'-га	Ø
Транс	Ø	Ø	Ø
Комп	Ø	веле-й-шка (*вел'е-з'е-шка)	Ø
Абесс.	вел'е-с'-т'еме (*вел'е-с'е-т'еме)	вел'е-с'-т'еме (*вел'е-з'е-т'еме)	вел'е-с'-т'еме
Комп.	вел'е-з'-н'ек	Ø	Ø

Отличительной особенностью данных парадигм является то, что: 1) МО -с', утвердившаяся в сфере номинатива, проникла в формы косвенных падежей, причем в ряде падежей она выступает в своем звонком варианте. Факт появления звонкого варианта можно проиллюстрировать на примерах

[1] **Ермушкин Г.И.** Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка // Вопросы мордовского языкознания. Труды Морд. НИИ XXXII. – Саранск,1967, II3.

аблатива: вел'ез'д'е < *вел'е-с'е-д'е. датива: вел'ез'н'е <*вед'е-с'е-н'е(-н'). В инессиве, элативе, абессиве МО -с' реализуется в глухом виде; 2) во всех падежах порядок следования значимых частей нормальный: СОИ + МО + суффикс падежа основного склонения, т.е. структура парадигм А, Б, В аналогична структуре указательных фора мн. числа; 3) в одной и той же парадигме А имеются две МО. Одна из них -ст' употребляется только в генитиве, другая -с' (-з') – во всех остальных падежах; 4) парадигма В с МО -с' разрушена, остатки ее сохраняются в генитиве, дативе, аблативе, инессиве и абессиве. Значение остальных падежей выражаются генитивом на -с'т' указательного склонения + послелог – эквивалент соответствующего падежа; 5) генитивная форма рассматриваемых парадигм явилась основой для образования других типов указательных форм, о которых речь шла выше. Эрзянские говоры, имеющие косвенно-указательные формы с МО -с' (-з'), локализованы в различных частях территории распространения эрзянского языка (Горьковской, Куйбышевской, Оренбургской обл., Татарской АССР и др.). В эрзянском диалектном ареале на территории Мордовской АССР подобные формы не обнаруживаются.

Необходимо остановиться на рассмотрении вопроса о том, первичны ли эти формы, или они – продукт позднего развития диалектов. Прежде всего надо обратиться к явлениям, так сказать, внешнего характера данных форм и сопоставить их с явлениями других подобных грамматических форм, имеющими признаки первичности. Особого внимания заслуживают в этом плане два момента: 1) порядок следования морфем в формах парадигмы III и их модель построения аналогичны порядку расположения составных частей форы мн. числа указательного склонения: СОИ + МО + суффикс падежа. Учитывая тот факт, что формы мн. числа указательного склонения являются общемордовскими, можно с большой вероятностью допустить их весьма древнее происхождение. Имея это в виду, нам представляется, что развитие косвенно-указательных форм парадигмы III с МО -с' (-з') шло параллельно с формами мн. числа. Они были известны общемордовскому языку.

Диалектное же многообразие и разнохарактерность в косвенно-указательных формах ед. числа – явления поздние. Обращает на себя внимание поразительное сходство с' (з')-овых указательных словоформ парадигмы III с падежными формами местоимения мез'е «что» (и это второй момент), которые почти одинаковы не только во всех эрзянских диалектах, но и в диалектах мокшанского языка. Местоимение мез'е составлено, как и номинатив имени ед. числа указательного склонения, из двух элементов: ме + се > месе > мезе «что» – вел'е + с'е >вел'е-с' «село-это». Первый элемент ме восходит финно-угорской местоименной основе –m, имеющей рефлексы во многих финно-угорских языках, ср.: ф. mikä «что», мр. ма «какой», в. mi «что?». Второй элемент представляет указательное местоимение с'е «этот».

Приведем сравнительную таблицу падежных форм местоимения мез'е и существительного с МО -с':

Падежи	Падежные формы местоимения мез'е			Указательные Морфемы с'-овой морфемы
	э.д.	э.л.	м.л.	
1	2	3	4	5
Ном.	меэ'е	мез'е	меэ'ъ	вел'е-с'
Ген,	мез'-ин*	мез'е-н'	мез'ъ-н'	вел'е-з'ин'
Дат.	мез'-н'е	мез'-н'ен'	мез'ъ-н'д'и	вел'е-з'н'е
Абл.	мез'-д'е	мез'-д'е	мез'-да	вел'е-з'д'е
Инесс.	мез'-снэ мес'-н'е	мей-сэ мез'-снэ	ме.з' -са мез'-сна	вел'е-с'н'е
Эл.	мез'е-стэ	мез'-стэ	мез'-ста	вел'е-стэ
Илл.	мез'-н'е	мез'е-с	мез'-с	вел'е-з'н'е
Прол.	мез'-га	мез'-га	мез'-ге	вел'е-зга
Транс.	мез'е-кс	мез'е-кс	мез'-кс	Ø
Комп.	мез'е-шка	мез'е-шка	мез'ъ-шка	вел'е-йшка
Абесс .	мез'е- вт'еме	мез'е- вт'еме	мез'ф- тъма	вел'е-с'т'еме

Обнаруживаемое сходство между падежными формами местоимения мез'е и формами имени существительного не случайно. Их образование по одной и той же модели – явление общемордовское. 0б этом свидетельствуют подобные косвенно-местоименные формы мокшанского языка. Можно

предполагать, что с (з)-овые косвенно-указательные форды, подобные формам местоимения мез'е, находили отражение во всех диалектах общемордовского языка. Но в связи с обшемордовским процессом разрушения древней парадигмы указательного склонения, связанным главным образом с изменениями в генитиве, в сферу рассматриваемого склонения был втянут формант –т, который в части диалектов общемордовского языка был присоединен к н-овой форде генитива, что дало э. кудон'т', м. кудт' (из < *кудын' т'); в другой части диалектов -т' примкнул к з-овой форме генитива, что дало э. кудос'т'. Некоторые говоры общемордовского языка избежали этого процесса и донесли до наших дней уникальнейшие древнемордовские косвенно-указательные формы, удивительно похожие на структуру косвенно-падежных форм местоимения мез'е. Местоимение мез'е и его косвенные формы в этой отношении являются "архивом", помогающим раскрыть историю форм указательного склонения.

Парадигма

форм указательного склонения с МО -т' (мода «земля»)

Падежи	Юго-восточный диалект и говори, тяготеющие к этому диалекту		
	Щуг. и смежные с ним говоры Морд. АССР	Иск. (мокш.) и смежные с ним говоры Пенз. обл	М.дв. и смежные с ним говоры Морд. АССР
Ном.	мод а -с'	мода-с'	мода-с'
Ген.	мода-т '	мода-т'	мода-т'
Дат.	мода-т 'и (й)	мода-т 'и	мода-т' и
Абл.	мода-т' эйста мода-ды-т' (-н'т')	мода-ды-т' (-н'т') мода-т' эста	мода-т' эйста
Инесс.	мода-т' эйса	мода-сы -т' (-н'т') мода-т'эса	мода-т' эйса
Эл.	мода-т' эйста	мода-сты-т' –	мода-т ' эйста

		(-н'т')	
Ил.	мода-т' эйс	мода-т 'и	мода-т' эйс
Лат.	Ø	Ø	Ø
Прол.	мода-т' эзга	мода-ва-т' – (-н'т')	мода-т' эзга
Транс.	Ø	Ø	Ø
Комп.	мода-т' эйшка мода-шка-т'	мода-шка-т' – (н'т') мода-т' эшка	мода-шка-н'т'
Абесс	мода-фтымы-т'-(-н'т')	мода-фтымы-т'-(-н'т')	Ø
Комит.	мода-т '-н'ек	мода-н'т'-н'ек	Ø

Формы указательного склонения данное парадигмы характеризуются: 1) отсутствием единой для всех падежей МО, в номинативе -с', в косвенных падежах -т' (-н'т'); 2) флективностью генитива: формант -т' одновременно выполняет функции МО и суффикса падежа; 3) отсутствием н-ового форманта перед -т', который так же, как и в мокшанском языке, присоединяется непосредственно к основе (при гласной основе) или посредством интерфикса (при согласной основе). Ср., например: вал'ма-т' «окна-того», вир'-и-т'и «лесу-тому»; 4) однотипностью генитива и датива с соответствующими формами мокшанского языка, ср.: э. мода-т ' м. мода-т' «земли-той»; э. мода-т 'и . м, мо-да-т'и «земле-той». Однотипность этих форм является не случайной. В эрзянских говорах они представляют собой мокшанизмы, и их появление обусловлено слиянием групп эрзянского и мокшанского населения в тех селах, говоры которых вырабатывались на базе этого слияния, и поэтому в них сохранились элементы мокшанского языка на всех уровнях языка, в том числе и на уровне морфологическом; 5) заменой некоторых косвенных падежей после ложными конструкциями. Особенно заметно проявляется эта тенденция в говорах шугуровского и смежных с ним диалектах, где синтетические формы ряда падежей сосуществуют с послеложными конструкциями: генитив + послелог, В этих диалектных системах данный процесс приводит к складыванию своеобразного

аналитического строя.

Эрзянские диалекты (говоры), обладающие типом косвенно-указательных форм с МО -т' / -н'т' как и диалекты мокшанского языка, пережили период замены древней МО -с' новой морфемой с артиклевым значением -т'. Основой образования т'-овых косвенно-указательных форм, как и н'т'-, с'т'-овых, являются формы основного склонения. Вот как выглядит, на наш взгляд, история т'-овых косвенно-указательных форм:

Ном. сурыс' «просо» < *сурь + С' + гласный <* сурь + сγ

Ген. сурыт' (IV тип) < *сурын'т' < *сурь + н' + т' + гласный < *сурь + н + т; сурос'т' (III тип) < *суро-з' + т' + гласный < *сурь-з'-и-н' + тγ

Дат. сурыт'и < *сурын'т'ен' < *сурь + н' + т' + гласный + т'ен^{г}; сурос'т'е (III тип) < *сурос'т'ен' < *суръ + з' + т + гласный + т'ен^{г} < *сурь + з'-и-н' + тγ + т'ен^{г}

В некоторых эрзянских диалектах, например, в шугуровском, наряду с т'-овыми показателями, встречаются формы косвенных падежей типа мода-н' т' Это свидетельствует о том, что в формах типа ген. модат', дат. модат'и н-овый формант был утрачен. Эти формы в своем составе некогда имели -н', т.е. *модан'т' и *модан'т'и.

Формы мн. числа по сравнению с формами ед. числа отличаются единообразием и однотипностью их структуры. В них строго выдерживается порядок расположения составных частей: основа склоняемого имени (ОСИ) + суффикс множественного числа (СМЧ) + МО + падежный суффикс: э.л. вир'т'+не+стэ (мл.) / вир'х+н'е+стэ (иск.) «из лесов» и т.д. Такой порядок следования значимых частей отражает древнейшее состояние косвенно-указательных форм мн. числа, возникновение и развитие которых по одной и той же модели стимулировалось в известной мере необходимостью иметь специальные формы мн. числа не только в целях числового противопоставления формам ед. числа этого же склонения, но и формам основного склонения, где, как уже отмечалось, в косвенных падежах отсутствуют формы мн. числа. Формы указательного склонения,

различающие ед. и мн. число, в какой-то мере устраняли этот недостаток. Указательные формы с таким строго выдержанным порядком их значимых частей говорящими стали осознаваться как вполне самостоятельные грамматические формы, подобно существительным без указательного форманта. В них МО -н' + гласный приклеивается к т-овому показателю мн. числа, в результате чего появляется новый тип основы, к которой присоединяются падежные суффиксы. Суффикс мн. ч. -т' (-т_) и МО -н' (-н) + гласный, совмещающий в себе значения мн. числа и определенности, прослеживаются по всей парадигме в каждом из косвенных падежей.

Различительным признаком, "дефектом" рассматриваемых парадигм с точки зрения их устройства является следующее: 1) Так же, как и в основном склонении, в парадигмах указательного склонения различаются две словоизменительные основы: гласная основа (или одноосновные имена) и согласная основа (двуосновные имена). Гласная основа имеет место во всех падежах, если структура слова состоит из: а) Г + С + а (ава «мать»), б) Г + СС + а (орта «ворота»), в) С + Г + С + а (мо-да «земля»), С + Г + С + Г (вел'е «село», куро «куст»); ном. ават'н'е «матери-эти»; г) ген.ават'н'ен' «матерей-этих». Например: ном. вел'е-т'н'е «села-те», эл. вел'е-т'н'е-стэ «из сел-тех» и т.д. У одноосновных имен гласная основа совпадает с падежной формой номинатива ед. числа основного и указательного склонения. Двуосновными являются, как правила, имена, оканчивающиеся в номинативе ед. числа не на а-овне гласные, и если эти гласные находятся после сочетания согласных, т.е. построение слова должно соответствовать модели С + Г + СС + Г: ном. осн. скл. мешт'е «грудь, пазуха» -ном. указ. скл. мешт'-т'н'е, илл. мешт'-т'н'е-с «в пазухи-те» ном. осн. скл. олго «солома» – ном, указ. скл. олк-т'н'е. комп. олк--т'н'е-шка «с солому-ту» и т.д. Имена обладающие структурой С + Г + СС + Г, можно считать двуосновными лишь по противопоставлению их форме номинатива ед. числа основного склонения. Ср.: ном. осн. скл, с'атко «искра» – ном. указ. скл. с'атк-т'н'е-н'. дат. указ. скл. с'атк-т'н'е-н'е и т.д. В самой же парадигме форм мн. числа двуосновность имен с подобной

структурой основы не обнаруживается, т.е. во всех падежах, включая и номинатив, выступает одна и та же согласная основа. Так же ведут себя имена, имеющие основу на согласный звук. Ср.: латко «овраг» – ном. указ. скл. латк-т'н'е «овраг» – ном. указ. скл. латк-т'н'е «овраги-те»; кал «рыба» – ном. указ. скл. кал-о-с' «рыба-та», кал-тнэ «рыбы-те», ген, осн. скл. кал-о-н' «рыбы» – ген. указ. скл. кал-т' н' е-н' «рыб-тех». В некоторых говорах существительные на согласный нередко присоединяют к себе сложную морфему -тне (-т'н'е) посредством интерфиксов: врач - врачотне «врачи-те», ломан' – ломан'е-т'н'е «люди-те». солдат – солдато'т'н'е «сслдаты-те». По своей хронологии факт широкого бытования согласной основы в парадигме форм мн, числа указательного склонения следует, по-видимому, отнести к домордовской эпохе. Некоторые следы согласной основы в формах перед t-овым суффиксом мн. числа обнаруживаются вприбалтийско-финских языках[1][2],ср.: ф. lammas «овца», ном. мн. ч. lampaat, парт. ед. ч. lammasta, ген. мн. ч. lammasten и lampaiden; эс. lammas, т. ж., ном. мн. ч. lambad, ген. мн. ч. lammaste, илл. lammastesse, инесс. lambastes, эл. lammastest, алл. lammastele, адесс. lammastel, абл. lammastelt, транс. lammasteks, эсс. lammastena, абесс. lammasteta, ком. lammastega; вд. lammaz т.ж., ген. мн. ч. lampad'd'e; ф. kieli «язык», ном. мн. ч. kielet, ген. мн. ч. kielien и kielten (ср. э. лов. т.ж.,ген. мн. ч. указ. скл. кел'т'н'ен'); ф. lumi «снег», ном. мн.ч. lumet, ген. мн.ч. lumien и lunten (ср. э. вед' т.ж., ген. мн.ч. указ. скл. ловт'н'е); ф. vesi «вода», ном. мн.ч. vedet, ген. мн.ч. vesien и vetten (ср. э. вед' т.ж. ген. мн.ч. указ. скл. вет'н'е). 2) В группе говоров Д (отдельные говоры черемшанского куста Татарской АССР, еремкино-матюшинского куста Куйбышевской обл.) формы инессива, элатива, пролатива, компаратива, кроме сложного форманта -т'н'е и падежных морфем, свойственных основному склонение, содержат дополнительный формант -н, являющийся остатком морфемы генитива. Эти формы интересны тем, что послелоги-эквиваленты вышеназванных падежей

[1] **Серебренников Б.А.** Историческая морфология мордовских языков. – Москва, 1967. –С. 46.

[2] Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. – Москва-Ленинград, 1958.

приросли к предшествующему имени существительному, оформленному в генитиве МО -н', образовав с ней новые алломорфы падежных морфем. Перед нами один из редчайших случаев, когда на основе генитива мн. ч. возникают косвенно-указательные формы, статус которых усиливается противопоставлением их другим падежным формам мн. числа и формам падежей ед, числа. Такие формы, как вир'т'н'ен'сэ «в лесах-тех». вир'т'н'ен'стэ «из лесов-тех», вир'т'н'ен'шка «величиной с лесов-тех», возникли из генитива мн. числа и послелога: вир'т'н'ен' эйсэ. вир'т'н'ен' эистэ, вир'т'н'ен' эишка. Подобные формы падежей имеются в некоторых говорах еремкино-матюшинского куста, с той лишь разницей, что в них послеложный компонент присоединяется к морфеме генитива посредством интерфикса. Ср., например: вир'т'н'ен'-е-сэ «в лесах-тех», вир'т'н'ен'-е-стэ «из лесов-тех», вир'т'н'ен'-е-с «в леса-те», вир'т'н'ен'-е-шка «с лесов тех», 3) В говорах группы В (в основном северо-западные говоры) абессив, наряду с обычной формой типа пакс'ат'н'евт'еме «без полей-тех», обнаруживает форму с н-овым компонентом перед абессивным суффиксом. Ср., например: пакс'ат'н'ен'-т'еме. Данный компонент, как и в предыдущих формах, является пустым морфом, возникшим, очевидно, по аналогии с послеложными конструкциями: кудот'н'ен' эйшка «величиной с дома-эти». Последние весьма продуктивны в общей системе указательного склонения в говорах группы В. 4) В говорах группы Д (отдельные эрзянские говоры на территории Татарской АССР и Оренбургской обл.) между сложным формантом -т'н'е и падежными морфемами инессива, элатива, иллатива и компаратива появляется дополнительный элемент и. Ср.: вир'т'н'е-й-сэ «в лесах-тех», вир'т'н'е-й-стэ «из лесов-тех», вир'т'н'е-й-шка «величиной с леса-те» (б.ник.) . Источником й является, по-видимому, й-овый элемент послелогов эйсе, эйстэ, эйшка, которые, потеряв начальный вокалический элемент, примкнули к основе мн. числа и образовали с ней аллморфу с соответствующим падежным значением. Это еще один любопытный факт возникновения из послеложных конструкций падежных форм. В подобном преобразовании на

первый план диалектами выдвигаются процессы редукции послелогов, способствующие цементированию сливающихся компонентов и включению их в словоизменительную систему. В формах типа вир'т'н' ей-сэ, вир'т'н' ейстэ, вир'т'н' ейшка й-овый элемент служит как бы маркером, предупреждающим нас о том, что форманты -йсэ , -йстэ. -йшка генетически связаны с послелогом зйсэ. эйстэ, эйшка. Эти и другие подобные новообразования убедительно подтверждают мысль о том, что выработке позднейшего пласта падежных форм в финно-угорских языках в числе прочих путей заметное занимает сращение послелога с именем.

Сокращения

б.игн. – большеигнатовский диалект эрзя-мордовского языка (Мордовская АССР); б.ник. – говор села Багря-Никольское Альметьевского района (Татарская АССР); б.мр. – говор села Большое Маресево Чамзинского района (Мордовская АССР); в. – венгерский язык; коз. – говор села Козловка Атяшевского рай-она (Мордовская АССР); крж. – говор села Киржеманы Атяшевского р-на(Мордовская АССР) м. – мокшанский язык; мл. – говор села Мокшалей Чамзинского района (Мордовская АССР); мр. – марийский язык; н.пьян. – говоры нижнепьянского диалекте эрзя-мордовского языка (Горьковской обл.); н.твл. – говор села Напольная Тавла Кочкуровского района Мордовская АССР); нск. – говоры наскафтымской мордвы (Пензенская обл.); низ. – говор села Низовка Ардатовского района (Мордовская АССР); сб.к. – сабаевский куст (говоры с.с. Сабаево, Мурань, Кр. Зорька, Майдан Кочкуровского района Мордовской АССР); с.зап. – северо-западные говоры эрзя-мордовского языка (Горьковская обл.); с.тд. – старотурдаковский диалект эрвя-мордовского языка (Мордовская АССР); ф. – финский язык; шлн, – говор села Шилан Красноярского района (Куйбышевская обл.); шуг. – шугуровский диалект эрзя-мордовского языка (Мордовская АССР); э. – эрзянский язык; эс. - эстонский язык.